

И. Г. ВОРОБЬЕВА

И. М. БРУЖЕСТАВИЦКИЙ И ЕГО «ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО ДИРЕКТОРА»

Публикуется глава из неопубликованных мемуаров участника Великой Отечественной войны, историка, директора Тверского объединенного музея Израила Моисеевича Бружеставицкого (1922–2006). В главе, посвященной учебе автора на историческом факультете МГУ в 1945–1949 гг., даны характеристики профессорскому составу, описана студенческая жизнь в контексте политических событий в стране.

Ключевые слова: *Исторический факультет МГУ, И.М. Бружеставицкий, «борьба с космополитами», А.И. Неусыхин, Р.А. Авербух, Е.А. Степанова, Светлана Сталина*

Публикуемые отрывки «Воспоминаний бывшего директора» принадлежат человеку уникальной судьбы, и сам текст имеет особый стиль, не характерный для мемуаров. Эти воспоминания – диалог со временем, но каким? Попытаюсь объяснить.

Израиль Моисеевич Бружеставицкий родился 20 июля 1922 года в Мелитополе в семье малограмотного, но мастерового рабочего. Вскоре семья переехала в Симферополь, где он окончил с отличием среднюю школу и отправился на учебу в Москву, поскольку там жили родственники, и на общежитие можно было не претендовать. В 1939 г. он поступил в ИФЛИ, теперь нам известный своими талантливыми выпускниками – литераторами и историками. К великому сожалению, многие из них погибли в годы войны. Учебе в ИФЛИ И.М. Бружеставицкий посвятил первую главу своих воспоминаний, где писал: «Как ни странно, из восьми жильцов нашей студенческой комнаты № 36 шестеро пережили войну; все, кроме Ю. Левитанского, возвратились доучиваться в Университет, куда снова влился ИФЛИ. Процент погибших ифлийцев и студентов аналогичных факультетов МГУ был значительно выше, чем в нашей комнате. Пути военные неисповедимы!»

Для Бружеставицкого дороги войны оказались слишком крутыми. В августе 1941 г. он добровольцем пошел в Красную армию, служил радистом и политруком в 147-й стрелковой дивизии 62-й армии. В августе 1942 г. под Сталинградом, в районе Калача, он попал в плен, выходя из окружения. Документы Бружеставицкий, как и его однополчане, уничтожил и назвался татаринном с выдуманым именем Леонид Петрович Бружа. Это спасло его от расстрела, никто не выдал его как еврея и политрука. С осени 1942 г. он находился в штатлаге в Мюльберге и других лагерях Саксонии. Войне и плену посвящены четыре главы Воспоминаний, фрагменты опубликованы в книге П. Поляна¹.

¹ См. Полян 2006.

После освобождения советскими войсками И.М. Бружеставицкий снова был призван в армию после проверки документов и допросов сокамерников, а не отправлен в лагерь ГУЛАГа, что сегодня кажется невероятным. Узнав, что студенты вузов могут получить демобилизацию, он из Венгрии написал запрос в МГУ на имя А.И. Неусыхина и, получив подтверждение, в октябре 1945 г. вернулся в Москву, был вновь зачислен студентом. Он окончил истфак МГУ в 1949 г. и вместе с женой-однокурсницей переехал в Калинин (ныне Тверь). До ухода на пенсию Бружеставицкий работал на разных должностях в областном управлении культуры. С 1967 г. по 1983 г. он занимал должность директора областного краеведческого музея, создав в 1978 г. Объединенный историко-архитектурный и литературный музей (ТГОМ), имеющий ныне более 30 филиалов. Израиль Моисеевич скончался после тяжелой болезни 9 апреля 2006 г.

«Воспоминания бывшего директора» были первоначально задуманы как рассказ о Музее. Автор взялся за этот труд после 1991 г., когда интеллектуальная общественность Твери отмечала 125-летие Тверского музея². Главы, посвященные Музею, как и обширное Вступление, написаны на основе документального материала, расспросов сотрудников Музея, работы с архивными фондами. Бружеставицкий по сути дела написал исследование по истории Музея. Затем он решился рассказать о себе, как и почему он стал историком, о годах учебы, о войне.

Текст писался долго, с 1993 по 1998 г., с перерывами ввиду болезни автора. Полной рукописи нет. Бружеставицкий сначала печатал текст на машинке, потом вносил исправления, последние 100 страниц из 400 сам набирал на компьютере, в чем ему помогал сын – программист Владимир Кононов, он и сформировал несколько электронных изданий, передав их на хранение в библиотеки и архивы Твери. Исследовали, занимающиеся историей образования, музееведения, военной историей, могут работать с «Воспоминаниями бывшего директора» как значительным источником о жизни страны с 1930-х по 1990-е гг.

Я пользовалась собственным экземпляром, подаренным мне женой И.М. Бружеставицкого – Натальей Степановной Кононовой (1926–2013), моей школьной учительницей³. Она училась на истфаке МГУ с 1944 по 1949 г., окончила кафедру по истории Средних веков, была одногруппницей Н.М. Мещеряковой, Л.А. Котельниковой, А.С. Кана, Н.П. Черкашиной, Д. Дробоглава. Я постоянно общалась с ней с 1968 г. до ее смерти осенью 2013 г., но до написания Израилем Моисеевичем этого текста она никогда не рассказывала, что муж был военнопленный, а она – дочь репрессированного. Эти темы были закрытыми. По-

² См. Музею – 125 лет. 1992.

³ О дружбе Н.С. Кононовой с Н.Ф. Ольденбург, племянницей академика С.Ф. Ольденбурга, см. Воробьева. 2015.

сле смерти Бружеставицкого я часто была в семье и убедила ее сформировать личный фонд в Научном архиве ТГОМ, где теперь хранятся черновики Воспоминаний и обширная переписка с университетскими товарищами, имеющая отношение и к работе над Воспоминаниями.

Для данной публикации выбрана глава, посвященная годам учебы И.М. Бружеставицкого в МГУ сразу после войны. В ней автор сумел не только рассказать о своих учителях и товарищах, но и показать свое отношение к сложной политической и идеологической ситуации в стране. Оценка давалась автором, уже жившим в другой стране, в атмосфере другой властной идеологии, но он пытался вести диалог с временем своей юности, оставаясь при этом советским человеком. В Воспоминаниях есть ссылки на публицистические тексты, посвященные «сталинско-бериевским временам», как он их называет, с многими авторами он вступает в дискуссию. Стиль Бружеставицкого бывает жестким, а оценки категоричными.

В публикации сделаны купюры, потому что некоторые сюжеты носят личностный характер, они показаны скобками.

Бружеставицкий И.М. Воспоминания бывшего директора (1967–1983). Тверь, 1998. [Электронная копия]

Глава 6. «Московский университет им. Ломоносова».

«2 или 3 ноября 1945 г. я пошел в незнакомый мне деканат Исторического факультета Московского университета им. М.В. Ломоносова на ул. Герцена, 5. Здесь толпились демобилизованные из Кр. Армии бывшие студенты истфаков ИФЛИ и МГУ. Среди них были мои однокурсники. Объятия, поцелуи, даже слезы... Первые известия о погибших однокашниках. Заявления о восстановлении в составе студентов принимала секретарь учебной части деканата – пожилая женщина по фамилии Мымрикова⁴. Всем она предлагала несколько дней подождать, пока документы пройдут по инстанциям до ректора. Увидев же мою красноармейскую книжку с отметкой о пребывании в плену, она, испугавшись, немедленно подписала мое заявление у декана и отправила меня к ректору. Там я был принят тотчас же, получил резолюцию о восстановлении на истфаке МГУ. В тот день мне выдали направление в общежитие, справку о восстановлении в МГУ для военкомата, на второй день – продовольственные «рабочие» карточки. Таким образом, в первый и последний раз плен дал какие-то «преимущества» – оперативность в оформлении документов.

Разведав ситуацию и выяснив, что за мною числятся не сданные в ИФЛИ два экзамена – по всеобщей литературе и истории СССР XIX в., и что разница между довоенной программой и нынешним набором предме-

⁴ Студенты приляпали ей кличку «Мымра», подразумевая под этим нечто вроде ведьмы. Она была строга, но справедлива и пользовалась всеобщим уважением. Кстати, по Далю «мыра» означает «домосед» и... «протозей». – Примечание автора Воспоминаний.

тов очень велика, я решил восстанавливаться не на 3 курс, как это сделали некоторые мои однокашники по ИФЛИ, а на 2-й. Я тогда не предполагал, что тем самым я проигрываю 2 года. Во время войны срок обучения в МГУ сократили до 4-х лет, и 3-й курс завершил образование по 4-хлетней программе, т.е. в 1947 году. Для 2-го курса, на который я определился, был восстановлен 5-летний срок обучения; мы заканчивали университет в 1949 году, проиграв не только время, но и число привлекательных рабочих мест.

В самом начале я совершил роковую ошибку, по существу лишившись возможности посвятить себя научным исследованиям – единственному, что привлекло меня когда-то в ИФЛИ, – я отказался возвратиться к А.И. Неусыхину».

Здесь следует пояснить, что еще до войны И.М. Бружеставицкий учился в ИФЛИ и слушал лекции А.И. Неусыхина. В первой главе Воспоминаний он писал: «Профессор-медиевист А.И. Неусыхин (1898–1969) так рассказывает об экономических отношениях средневековья или о «Великой Хартии вольностей», как будто это авантюрные романы. На его семинаре по средневековью кипят страсти. Я со своим южным темпераментом – среди самых горячих спорщиков. Сначала Александр Иосифович относился ко мне спокойно. Но после написания мною курсовой работы («*Capitulare de villis* Карла Великого») он выдвинул ее на институтский конкурс студенческих научных работ, где ей было присуждено 1 место, и она была рекомендована к опубликованию в институтском сборнике, так же, как и работа другого участника семинара Л. Миндина. Для 2-го курса это был необычайный успех. Но началась война, стало не до студенческих работ и не до сборников. Рукописи затерялись».

На втором семестре 2-го курса я оказался в числе немногих любимых учеников А.И. Неусыхина. Он в традициях Российской профессуры приглашал нас домой, поил чаем с печеньем и бутербродами, давал книги из своей библиотеки (с возвратом!). Темы домашних бесед – только наука. И всем нам представлялось, что перед нами отворились двери в большую науку; настроение было радостным и радужным. После войны Александр Иосифович рассказал мне, что в начале 1945 года он опубликовал то ли в факультетской стенгазете, то ли в университетской многотиражке (не помню) некролог о погибших студентах – а я тогда тоже считался погибшим – рассказал о своем довоенном семинаре на 2-м курсе ИФЛИ и о том, как «флегматичный Миндин спокойно отбивал яростные атаки темпераментного Бружеставицкого». Как все это далеко и освещено солнцем юности!

Пишу об этом потому, что именно в семинаре Неусыхина родилась во мне любовь к исторической науке и истине».

Однако Бружеставицкий отказался заниматься в семинаре Неусыхина. Сам он в главе 6 так объяснял: «Тому были две причины: я совсем забыл латинский язык и, пройдя через огонь и воду, посчитал, что медиевистика слишком уж далека от жизни и ее потребностей и поэтому мало перспективна для меня. Мне казалось, что при особенностях моей биографии (плен + «5-й пункт»), по которому уже всю проявлялась дискриминация) я не должен заниматься разделом науки, далёким от современно-

сти. О, *sancta simplicitas* – «святая простота!» Из сих фактов следовали прямо противоположные выводы!

Мне до сих пор стыдно вспоминать, как я возражал Александру Иосифовичу, который буквально ежедневно уговаривал меня принять его покровительство и научное руководство. С началом специализации на 3-м курсе я записался на кафедру новой и новейшей истории. Дальнейшее мое учение в университете было судорожным поиском пути, который дал бы мне хоть малейшие шансы заняться наукой. Всё было напрасно. Дорога в науку для меня была надежно перекрыта.

Конечно, Неусыхин тоже не мог гарантировать мне аспирантуру, о чем он мне откровенно сказал; «но, – говорил он, – вести научные исследования можно и вне аспирантуры и вне научной должности; было бы желание». Неусыхин настойчиво разъяснял мне это при каждой встрече – и в кабинете, и в коридоре, и на лестнице, и во дворе... Он предлагал мне свою помощь и в изучении заново латыни, и в первых шагах в науке... Я был упрям и непреклонен, думал, что А.И. переоценивает свою науку – медиевистику. Стыдно, совестно, но прошлого не вернёшь, не изменишь. Я был глуп, непростительно наивен, питался иллюзиями, всё еще слепо верил в справедливость советского строя, не видя, что власть, в том числе в науке, давно захвачена лже-коммунистами, которые из личной корысти будут травить все самостоятельное, способное, пресмыкаться перед начальством, жить применительно к подлости. Вчерашние интернационалисты стали шовинистами, антисемитами, с энтузиазмом включились в борьбу с «низкопоклонством перед Западом», с «космополитизмом» и проч.

Давно уже Александра Иосифовича нет на белом свете, а меня не оставляют угрызения совести – как же я не оценил его любовь ко мне, его прямо-таки отеческую заботу. Теперь я понимаю, какую тяжкую обиду я причинил ему. А он, несмотря на это, ещё долгие годы следил за моей жизнью, разыскал меня даже в Калининне, дав специальное поручение своему ученику – А.Я. Гуревичу, преподававшему в Калининском пединституте⁵. Гуревич нашел меня и передал мне призыв Александра Иосифовича вернуться в науку при его помощи и покровительстве. Я был угнетен жизненными обстоятельствами и вновь отказался. Склоняю покаянную голову перед Вашим прахом и памятью, дорогой Александр Иосифович!

<...>

В 1945–46 учебном году расселение в общежитии на ул. Стромынке в Сокольниках проводилось по мере возвращения в Университет демобилизованных фронтовиков, и потому контингент в комнатах был смешанным. Так, в комнате со мною жили два родных брата, вернувшиеся с фронта: старший заканчивал физический факультет, младший учился на 2 курсе механико-математического факультета по специальности «Астрономия». Впоследствии он много лет был директором Московского Планетария. Братья происходили из учительской семьи, были интеллигентными, симпатичными людьми. Старший к тому же был любителем и знатоком отече-

⁵ А.Я. Гуревич преподавал в Калининне с 1950 по 1966 г.

ственной литературы, особенно поэзии. Кумиром его был Пастернак. Младший брат Пастернака не любил, как и я.

Ко мне часто заходили приятели-ифлийцы с исторического и филологического факультетов; среди них тоже были любители поэзии Пастернака. Однажды после оживленной поэтической дискуссии старший брат и один из моих приятелей схватили младшего брата за руки и за ноги и, раскачав, выбросили из комнаты в коридор – за отрицание Пастернака. Конечно, это была шутка, но она отражала и настрой и раскол в студенческой среде. Как раз оба брата, мои приятели и я относились, пожалуй, к одной группе центристов-либералов. Мы были убежденными марксистами, но противниками авторитаризма и догматизма в науке, сторонниками свободы мнений и честного соревнования между различными позициями и научными школами. Но это уже становилось опасным! Добивалась безраздельного господства и добилась его в обществе, в науке, в МГУ догматическая линия, которую силой навязали стране И.В. Сталин и его приспешники.

Уже в первые послевоенные месяцы началась активная кампания по борьбе с «низкопоклонством перед Западом», причем сразу же борьба велась нечестными методами, приняла клеветнический и личностный характер; антисемитизм стал государственной политикой. Инициатором разгрома всякого свободо- и инакомыслия выступил ЦК КПСС; особенно активно проявлял себя А.А. Жданов. Философская дискуссия, жесточайшая критика ведущих советских композиторов – Д. Шостаковича, С. Прокофьева, В. Мурадели, Н. Мясковского и других, постановление ЦК КПСС о журналах «Звезда» и «Ленинград», преследование Ахматовой и Зощенко, других писателей, затем биологическая дискуссия и победа антинаучной линии Лысенко, потом разгром литературных критиков-«антипатриотов», борьба с «космополитизмом»... Восторжествовала идеологическая реакция.

Тяжелая общественная атмосфера, всеобщий страх, широко распространившееся доносительство и пресмыкательство перед вышестоящими в полной мере ощущались в Университете. С горестным чувством наблюдал я за превращением некоторых своих старых и новых однокашников в идеологических и нравственных подонков. В конце 1945 г. и первой половине 1946 г. – на 2-м курсе – я больше общался с ифлийскими однокурсниками и однокурсницами. Но появились и новые приятели.

<...>

А на факультете развернулась дискуссия о героях Молодой гвардии (действительных людях, не литературных персонажах), Зое Космодемьянской, Александре Матросове и других героях, пожертвовавших жизнью. Предмет спора: были ли они выдающимися одиночками, возвышавшимися над толпой обыкновенных людей, или выразителями всеобщего героизма. Пустой, схоластический спор. Однако ему придали политическое значение. Не помню, что посчитали идеологически правильным. Помню лишь, что сторонники «неправильного» мнения были сурово наказаны по партийной и комсомольской линиям. Заслуженные фронтовики, пролившие кровь в боях за Родину, орденосцы получали партийные и комсомольские выговора, им грозило исключение из Университета. Я, по счастью, в этой

дискуссии участия не принял – с новой литературой только начинал знакомиться, имена многих героев войны были мне еще неизвестны.

Среди студентов были секретные агенты госбезопасности; от страха студенты соглашались сотрудничать с «органами», но большинство не оправдывало надежд и не клепало на своих товарищей. Но были и активные доносчики и даже открытые. К последним принадлежала пара Скляр–Шелике, сперва жених и невеста, а потом супруги. Илья Скляр, фронтовик, был кандидатом в члены КПСС, вступил на фронте. Вальтраут Шелике («Травка» – как ее называли уменьшительным именем), дочь немецкого коммуниста, эмигрировавшего в 30-е годы из Германии в СССР и не попавшего под каток репрессий. Её отец сразу же после войны возвратился в Восточную Германию, стал видным деятелем СЕПГ, строителем ГДР. Травка осталась в СССР. Так вот, она и Илья Скляр донесли в партбюро в первую очередь на... себя. Доложили о каких-то своих идеологических сомнениях, получили выговоры, он – партийный, она – комсомольский. Беда была в том, что они донесли и на некоторых своих единомышленников, которые тоже пострадали из-за своей открытости и доверчивости.

Каждая идеологическая и «научная» кампания имела следствием разгром профессуры одного из факультетов. В результате философской дискуссии оболгали и уволили ведущих профессоров, доцентов и преподавателей философского факультета. Победа Лысенко выразилась в разгоне профессоров и преподавателей биолого-почвенного факультета. Деканом был назначен Презент, правая рука Лысенко, вовсе не биолог, а юрист по образованию. Кстати, большинство студентов всех факультетов, воспитанное в школе на основах дарвинизма, не приняло идей Лысенко, но вынуждено было выражать свое мнение только в узком кругу. В Московском университете было много всесторонне начитанных студентов; они разбирались в биологии и, разумеется, не могли согласиться с бредовыми утверждениями Лысенко. Даже я, весьма далекий от практической биологии и не отличавший ели от сосны, читал в школьные годы произведения Дарвина – «Путешествие на корабле Бигль» и (отрывочно) «Происхождение видов». Для нас Лысенко с самого начала был знаменосцем лженауки и силовых методов борьбы с представителями иных научных школ. Всё это давило на нас.

Но особенно тяжело сказывались на нашем факультете давление и победа реакционных сил в гуманитарных науках, литературе и искусстве. К тому же лже-патриоты и лже-коммунисты связали себя с антисемитизмом. Сначала – «тонкие» намеки в специальных журналах и массовой прессе на необходимость подготовки «национальных» кадров историков, философов, филологов, экономистов, литературных критиков и литературоведов, затем позорная борьба с «космополитизмом», публичное раскрытие псевдонимов (в скобках указывали обычно еврейскую фамилию, иногда вымышленную для чистокровных русских, выступавших против антисемитов). То, что происходило тогда в обществе, ныне хорошо известно; буду краток.

<...>

На историческом факультете МГУ волнами накатывалась травля профессоров-евреев или подозреваемых в еврейских корнях. Разумеется, на этом, как всегда так бывает, не остановились и стали обвинять в низко-

поклонстве перед Западом и космополитизме и других ученых – русских, но загораживавших дорогу бездарям, рвущимся на занятые места. Особенно в 1948–49 гг. проводились расширенные заседания кафедр, учёные советы факультета, собрания с участием студентов. На этих собраниях одни профессора, доценты и аспиранты поносили других профессоров, доцентов и аспирантов. Смешали с грязью академика И.И. Минца, известного историка Гражданской войны, апологета Сталина. Разыскивали какую-то популярную брошюру 44 г., где он одобрительно отзывался о тогдашних западных союзниках СССР – американцах и англичанах – и обозвали его агентом империализма. Распустили возглавляемую Минцем редакцию «История Гражданской войны», уволили его с кафедры истории СССР истфака МГУ, но потом, благодаря высокому покровительству в верхах, отстали от него. В числе его самых ярых критиков был его «верный» ученик доцент Верховень, который до этого при каждом удобном случае восхвалял его и буквально лизал ему задницу.

С нашей кафедры уволили профессоров Л.И. Зубока – специалиста по США (научного руководителя Светланы Сталиной) и Звавича – специалиста по Англии. Даже безобидный, никому не загораживавший дорогу, далёкий от всякой политики медиевист А.И. Неусыхин подвергался нападкам, особенно активным со стороны некоего Дорошенко, аспиранта Неусыхина. Его Неусыхин тащил за уши еще с ифлийских времён. В чем же могли обвинить Александра Иосифовича? – В том, что в своих работах по истории средневековой Германии он ссылаясь на труды немецких ученых и, стало быть, – по заявлениям его критиков – преклонялся перед Западом. Подобная «критика» была настолько смехотворна, популярность Неусыхина среди студентов была так велика, что, в конце концов, его оставили в покое. Видимо, не сумели раскопать и его еврейских корней (по слухам кто-то из его предков был крещеным евреем). Но Дорошенко стал нам всем ненавистен и проходил мимо знакомых ему еще по ИФЛИ, опустив голову.

А что же мы, студенты? – Мы сидели молча, сжав зубы, и боялись даже пикнуть. Попытка взять под защиту мнимых космополитов могла закончиться для нас – в лучшем случае – исключением из Университета. Святой человек, А.И. Неусыхин, понимая это, перед одним из таких собраний, ожидая разноса, увидел меня возле аудитории и, поманив к себе, предупредил, чтобы я не высказывал и удержал свой горячий нрав. Стыжусь, что последовал его совету, но, может быть, А.И. тем самым не только сохранил меня в Университете, но даже спас мне жизнь. Со мною – бывшим военнопленным плюс евреем, не церемонились бы. У себя в комнате в общежитии я не мог сдержаться и в гневе наговорил много лишнего, сравнивал статьи в советских газетах с материалами фашистских газет «*Völkischer Beobachter*» и «*Schwarze Korps*» (орган СС), которые доводилось читать в плену. Счастье, что среди моих товарищей по комнате не оказалось доносчиков, хотя один парень все годы войны прослужил в СМЕРШе. Что толку было в моем гневе? Как и другие, я не действовал, не выступил открыто против гнусной идеологической кампании и ее активистов.

Надо сказать, что не все профессора принимали участие в травле «космополитов». Такие видные учёные, как член-корр. АН СССР (впо-

следствии академик) С.Д. Сказкин, профессор Б.Ф. Поршнев (научный руководитель моей жены) и некоторые другие не опозорили себя заушательской критикой своих коллег, но и не защитили их. Винить за это нельзя никого. Позднейшие диссиденты «отделялись» тюрьмой. В сталинскую эпоху инакомыслящих подвергали жестоким пыткам и казнили. Вспомним, что в эти годы даже Андрей Дм. Сахаров помалкивал и усердно трудился над созданием ядерного оружия. Смелым он стал позднее, при Хрущеве и Брежнев.

Преследования обошли стороной заведующего нашей кафедрой новой и новейшей истории профессора А.С. Ерусалимского, специалиста по истории Германии и истории дипломатии. Он пользовался покровительством Министерства иностранных дел и самого Молотова, советником которого он был. Впрочем, покровительство Молотова было не всесильно – как раз в это время исключили из партии, сняли с работы, а потом арестовали его жену, а вместе с нею и ее заместительницу по Главпарфюмеру Мельник, дочь которой училась со мной в одной группе на кафедре новой истории, была у нас комсоргом и личной подругой Светланы Сталиной и Светланы Молотовой. В 1950 году Ерусалимского все же освободили от заведования кафедрой.

Горький осадок в душе оставляло «раскаяние» преследуемых. Они признавались в несовершенных ошибках, слезно просили прощения, били себя в грудь и обещали, что больше не будут... Не всем это помогло.

Ужасное, страшное время!

В такой атмосфере пришлось провести университетские годы. Поэтому бывшие ифлийцы – студенты и профессора – с грустью вспоминали ИФЛИ и не любили новую *alma mater* – Московский университет.

В кабинете кафедры новой истории на ул. Герцена стояли открыто на полках стенограммы всех послереволюционных съездов партии и первые издания собрания соч. В.И. Ленина с подробными комментариями. В библиотеках эти издания на руки уже не выдавались. Из чистой любознательности я прочитал все стенограммы съездов и комментарии к сочинениям Ленина, узнал подлинные факты внутривнутрипартийной борьбы, которые тщательно скрывались официальной (сталинской!) историей партии. Я самостоятельно пришел к выводам: во-первых, что И.В. Сталин превосходил своих соперников – Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова и др. – в искусстве полемики; он четко, просто и доходчиво формулировал свои мысли и тем перед малообразованными партийными массами подавлял высокообразованных противников, залезавших в сложные теоретические дебри и изъяснявшихся красноречиво, но непонятно; во-вторых, что в этой кучке интриганов, боровшихся за власть, Сталин был самым хитрым и коварным интриганом, сумевшим расколоть оппонентов и, блокируясь с одними против других поочередно, разбить их поодиночке; в-третьих, что он опирался на сильнейшую в ту пору структуру – партийный аппарат, который оказался сильнее армии Троцкого и т.п.; в-четвертых, что он постепенно наращивал применение силы, пока не обрел полноту власти и получил возможность уничтожить «уклонистов» физически. В это же время мне удалось ознакомиться с тоже изъятыми из библиотек стенограмма-

ми судебных процессов 1937–38 гг. над троцкистско-зиновьевскими и бухаринско-рыковскими «бандами». Мы бывали в гостях у нашего приятеля, женившегося к тому времени на дочери академика-химика, и из его обширной домашней библиотеки извлекли упомянутые стенограммы. По ним мы убедились, что на суде не было предъявлено ни одного вещественного и документального доказательства. Все обвинение строилось на признаниях подсудимых и противоречивых свидетельских показаниях одних обвиняемых против других.

Не я один был таким любознательным. Небольшая группа студентов, главным образом – бывших ифлийцев⁶, уже тогда пришла к осознанию зла, которое причинил Сталин обществу, стране, коммунистической идее. Мы оставались марксистами-ленинцами, но становились антисталинистами. Этому способствовал разгул реакции в обществе. Но свои мысли и чувства мы вынуждены были сохранять в глубокой тайне, обмениваясь мнениями обычно где-нибудь в сквере или Сокольническом парке, где нас никто не мог подслушать.

Сильно влиял на нас Тибор Самуэли, студент-заочник, племянник известного деятеля Венгерской революции Тибора Самуэли, убитого венгерскими контрреволюционерами в 1919 г. Отец нашего Тибора был видным работником Коминтерна и советским дипломатом, в 1938 г. был в СССР расстрелян. Тибор провел годы отрочества в спецдетдоме; после войны ему удалось выбраться оттуда с помощью руководителей Венгерской Народной Республики, поступить на заочный истфак МГУ. В Москве он болтался без прописки, нередко ночевал у нас в комнате; подрабатывал он в издательствах переводами с английского и венгерского языков, которыми владел свободно с детства. Убийственными аргументами он разбивал остатки нашего преклонения перед Сталиным. Впоследствии он уехал в Венгрию. О дальнейшей его судьбе не знаю.

Между тем, учебные дела мои шли успешно. Я рассчитался с «хвостами», которыми по глупости обзавелся в ИФЛИ в начале войны, со всей разницей в программе, сдал досрочно экзамены и зачеты и в конце мая 1946 г. уехал в Мелитополь на первые послевоенные каникулы. Так тянуло домой, что я день выстоял в очереди на площади Курского вокзала за пропуском, хотя уже было объявлено об отмене пропусков с 1 июня. В Москве я купил огромный черный чемодан, набил его полностью библиотечными и купленными книгами на русском и немецком языках и с трудом дотащился до Курского вокзала. В Мелитополе меня встретили двоюродные братья, иначе мне бы с тяжеленным грузом не добраться.

⁶ Мой однокашник по ИФЛИ и МГУ Лев Адлер, выдающийся по уму и дарованиям студент; наш приятель по ИФЛИ и МГУ филолог Николай Непомнящий, участник финского батальона ИФЛИ и В.О.В., подвергавшийся дискриминации из-за пребывания в плену. Хорошо его знавшие А. Шелепин и З. Туманова, секретари ЦК ВЛКСМ в послевоенные годы, не помогли ему, как и бывшему военнопленному, бывшему секретарю комитета ВЛКСМ ИФЛИ после Шелепина философу С. Микулинскому. – Примечание автора.

Тогда еще не было телевидения, и три месяца каникул я провел за чтением научной и художественной литературы, наверстывая упущенное за годы войны. По вечерам с двоюродными братьями и сестрами и их компаниями ходил в летний кинотеатр под открытым небом и изредка – в замечательный парк на окраине города. Мать и тетя откармливали меня; я налегал на фрукты, арбузы и дыни, которыми славен Мелитополь. В Мелитополе жили тогда все три родных брата моей матери и старшая ее сестра с семьями (самая старшая сестра жила в Херсоне). Они были очень дружны между собою, поддерживали друг друга и особенно мою овдовевшую мать.

В то лето я вторично побывал в Днепропетровске, на этот раз вольным человеком. Со старшим двоюродным братом, военврачом, приехавшим в отпуск, мы отправились на помощь к его сестре (моей двоюродной), закончившей мединститут в Днепропетровске. У нее накопилось много вещей и книг, требовалась мужская сила для доставки в Мелитополь. Съездил я и в Запорожье, посмотреть город, восстанавливавшийся Днепрогэс. На обратный путь железнодорожного билета не достал и проехал 3 часа на подножке пассажирского вагона, держась за поручни, под единственным за все лето проливным дождем и грозой. Молодому парню – все нипочем!

Последующие летние каникулы я вечерами проводил с однокурсницей и землячкой Надей Черкашиной, подругой моей будущей жены. Мои и Надины мелитопольские родственники подозревали, что мы на пороге брачного союза. Но они ошибались – у нас были разные «предметы»...

В конце августа 1946 г. вновь на «пятьсот веселом» приехал в Москву. На этот раз в Стромьинском общежитии нас расселили по факультетам, и я попал вместе с другими историками в комнату № 587 на 8 человек, в которой прожил до окончания университета (состав жильцов постепенно менялся). В начале сентября приказом декана я был назначен старостой 3-го курса, вероятно – по рекомендации курсового парторга Николая Прокопенко, моего однокурсника по ИФЛИ, помнившего, что я был там старостой курса и выступил тогда в его защиту на комсомольском собрании. Принимал я должность старосты курса от юной симпатичной студентки, сталинской стипендиатки Наташи Кононовой. Ни я, ни она не подозревали, что через два года мы поженимся.

На посту старосты курса в МГУ я пробыл всего один семестр. Мой плен смущал деканат и партбюро. С подачи того же Прокопенко я был заменен незаметной студенткой Б., главной заслугой которой был роман с Прокопенко. А меня назначили старостой двух студенческих групп на кафедре новой истории, куда записалось более 40 студентов.

В поисках пути в науку я определился в семинар профессора Ревекки Абрамовны Авербух. Темой семинара была русская дипломатия XIX–XX вв. Основными источниками для нас были дипломатическая переписка российских дипломатов и внешнеполитические документы, опубликованные на языках оригиналов и частично в русских переводах в специальном многотомнике под редакцией известного дореволюционного дипломата и юриста Ф.Ф. Мартенса. Чтобы серьезно заниматься этой тематикой, нужно было хорошее знание иностранных языков, в первую очередь – французского. По-немецки я читал достаточно свободно. Вторым обязатель-

ным иностранным языком я избрал английский, а занятия по французскому языку посещал факультативно.

К сожалению, к изучению иностранных языков я подошел недостаточно ответственно. Вот уж пример «горя от ума». Пассивное овладение иностранными языками давалось мне легко, тем более что первое время я усиленно занимался ими – ежедневно по часу каждым. Я быстро обогнал товарищей по языковым группам, зачет по английскому языку сразу сдал на 3-м курсе за 3-й и 4-й курсы и... бросил заниматься английским, перестал посещать уроки, так как мне было неинтересно с «отстающими». То же самое произошло с изучением французского языка. В результате к окончанию университета я отстал от отстающих, английский и французский стал забывать, а потом в Калининe, не занимаясь ими, и вовсе забыл. На немецком же языке (экзамен за полный курс сдал за полгода до срока) продолжал читать ежедневно по учебным надобностям и из интереса. Увлёкся прозой Генриха Гейне, читал в оригинале Генриха и Томаса Маннов, Л. Фейхтвангера и др. Между прочим, прочитал немецкий перевод с французского воспоминаний Казановы – сперва трехтомник, а затем полное издание в 12 томах. В семинаре у Авербух надо было отчитываться о прочитанных документах – приходилось много читать оригиналов и предлагать свои переводы, как правило, с французского. Кроме того, Р.А. Авербух прочитала нам спецкурс «История Австрии»; прослушал я и спецкурс профессора Ерусалимского «История Германии». Таким образом, вырисовывалась моя специализация по истории Германии после изучения на собственной шкуре, как я в шутку писал А.И. Неусыхину из Венгрии, варварства у германцев.

Самым интересным был спецкурс «Внешняя политика Екатерины II», который читал факультативно (без экзамена и зачета) известный историк академик Евгений Викторович Тарле. Для его лекций в доме на ул. Герцена, 5, предоставили актовЫй зал (человек на 250), так как этот блестящий ученый, писатель и лектор привлекал всегда большое число студентов и аспирантов даже с других факультетов. Казалось, Е.В. Тарле рассказывает о своих вчерашних встречах с деятелями XVIII века. Он приводил наизусть в русском переводе десятки иноязычных документов, писем и т.п. Некоторые дотошные ребята специально проверяли в архивах подлинники документов – Тарле излагал их на память дословно! Колоритны были его описания людей, нравов, дворцового этикета, быта. Он преподносил нам не схему, а живописную картину, живую историю, которую творили живые люди.

Очень интересны были лекции по истории СССР конца XIX – начала XX в. (до 1917 г.) Аркадия Лавровича Сидорова (1900–1966). Профессор пользовался неопубликованными документальными источниками, в частности, познакомил нас с Воспоминаниями графа С.Ю. Витте, которые тогда еще не были изданы. Именно этим был ценен Московский университет. Несмотря на многогоисленные разгромы, мы учились у самых выдающихся ученых того времени, общались с ними вне аудиторий.

В семинаре Р.А. Авербух мне стало ясно, что история дипломатии – не моя тема. Мне представлялось, что все это поверхностно, заполнено

мелочами, тогда как меня всегда интересовали глубинные, фундаментальные общественные процессы, их анализ (школа Неусыхина!). В это время я увлекся политэкономией (курс лекций читал член-корр. АН СССР Островитянов, семинар вел хороший специалист Гальперин, который застрял в доцентах из-за политического прошлого – был в 20-х годах троцкистом) и философией (лекции читали проф. Гак и др. профессора; семинар вел Келле, наш однокашник по ИФЛИ, рано отвоевавший, закончивший МГУ и аспирантуру; ныне – известный учёный).

На семинарах по политэкономии и философии я был весьма активен, нередко был зачинщиком горячих споров и даже дискуссии, охватившей студентов и аспирантов исторического, экономического и философского факультетов. Не помню точно предмета дискуссии, кажется, какое-то толкование положений К. Маркса в «Капитале» о сущности земельной ренты. Я, видимо, порол чужь, но ее никто не мог убедительно опровергнуть. Ко мне в общежитийскую комнату ежевечерне заходили студенты и аспиранты разных факультетов, спорили до хрипоты. У меня было много сторонников и много оппонентов. Эта неофициальная дискуссия вне аудиторий и без трибун тянулась месяца два, пока руководитель нашего семинара доцент Гальперин тремя фразами не расколотил мои утверждения. Потом мы все весело смеялись. Я же убедился, как велико значение умения спорить – но честно, без применения силовых приемов, которые господствовали в официальных дискуссиях. Наша дискуссия носила чисто теоретический характер, была вне политики и потому не привлекла внимания «компетентных органов».

А в семинаре Р.А. Авербух я заскучал, хоть и стал ее любимчиком наряду с Кларинным. Описательная история была не в моем вкусе. Совсем не помню своей курсовой работы – что-то по дипломатической переписке российских послов в Австро-Венгерской империи. В начале 4-го курса я покинул семинар Р.А. Авербух и перешел к доценту Евгении Акимовне Степановой, одной из руководительниц сектора Маркса–Энгельса в Институте Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина (ИМЭЛС) при ЦК КПСС. Мой поступок был, конечно, некорректен по отношению к Р.А. Авербух, но эта славная женщина не держала на меня зла и не лишила меня своей симпатии до окончания мною МГУ. Потом я связь с нею потерял. Причина перехода – единственная: опять поиск калитки или «перелаза» в науку.

Евгения Акимовна Степанова⁷ вела семинар «Стефан Борн и его газета»; у нее мы прослушали специальные курсы «Карл Маркс – его жизнь и деятельность» и «1 Интернационал». К трудам Маркса и Энгельса и их личностям у меня пробудился подлинный интерес. На 4 и 5 курсах я про-

⁷ Степанова Евгения Акимовна (р. 1899/1900) – советский историк, доктор исторических наук (1959). Член КПСС с 1918 г. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1952–1956 гг. Труды о деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса – «Советский энциклопедический словарь». Издание второе. М.: «Советская энциклопедия», 1983, с. 1266. В моей личной библиотеке есть ее книги, 90-летие Е.А. отмечалось в прессе в 1990 г. Жива ли она сейчас – не знаю; связь с нею мы с 1950 г. не поддерживали. – Примечание автора.

читал сверх программы много их работ и всю опубликованную в Собрании сочинений (1-е изд.) переписку. Читал и не опубликованные на русском языке произведения Маркса и Энгельса по совместному советско-германскому изданию на языках оригиналов «*Gesamtausgabe*».

Е.А. Степанова записала своих дипломников (нас было всего трое – кроме меня еще две девушки) в библиотеку ИМЭЛСа, обладавшую богатейшим собранием зарубежных изданий, в том числе периодики XIX–XX вв. Там можно было получить в читальном зале не только нужные для темы издания, но даже иностранные газеты довоенных, военных и послевоенных лет. Мы с моим товарищем Борисом Давыдовым, который был записан в эту же библиотеку своим профессором Л.И. Зубоком, еще до изгнания последнего из МГУ, воспользовались этим и часто выписывали себе, кроме нужной литературы и периодики, также подшивки современных английских, американских и западногерманских газет. С помощью Бориса, у которого английский был основным иностранным языком, я набирался информации в англоязычных газетах, а он с моей помощью – в западногерманских. Однако в начале 1949 г. с развертыванием борьбы против космополитизма современные издания капиталистических стран стали выдавать только при наличии допуска к секретной работе, которого у нас не было.

Уже в первом семестре 4-го курса Е.А. Степанова определила, а кафедра утвердила тему моей дипломной работы: «Рабочее братство» в Германской революции 1848–1849 гг.». О «Рабочем братстве» и его основателе и руководителе Стефане Борне⁸ в советской историографии существовала всего одна статья; благодаря этому моя дипломная работа имела вполне самостоятельный характер. Мне пришлось изучить обширный круг источников, которыми обладала библиотека ИМЭЛСа: негативные фотокопии (белый шрифт на черном фоне – читать с лупой утомительно) газеты Борна, его брошюры 1849 г., немецкие и австрийские газеты того времени, прежде всего «*Neue Rheinische Zeitung*» – «Новую Рейнскую газету» под редакцией К. Маркса. Эта газета употребляла готический шрифт, доставлявший дополнительную нагрузку зрению. Я изучил многочисленные статьи Маркса и Энгельса, в том числе опубликованные только в «*Gesamtausgabe*».

От этого исследовательского труда я получал истинное наслаждение. Увы, мой «диплом» был вторым и последним собственным исследованием (первое – упомянутая выше курсовая в ИФЛИ в семинаре у Неусыхина). Не опубликованные, они остались холостыми выстрелами⁹. После Уни-

⁸ Борн (*Born*), настоящая фамилия Бутгермилх (*Buttermilch*) Стефан (1824–1896), немецкий рабочий-наборщик, сначала член Союза коммунистов, затем организатор реформистского «Рабочего братства». Участник Дрезденского восстания (май 1849 г.). См.: Советский энциклопедический словарь. Изд. 2-е, с. 149. См. также: Е.А. Степанова «Карл Маркс. Краткий биографический очерк». Изд. 2-е. М.: Изд-во политической литературы, 1983, с. 62, 63 и др. Е.А. Степанова. «Фридрих Энгельс», М. 1980, с. 75, 76. В.И. Ленин. ПСС, т. 11, с. 131. – Примечание автора.

⁹ Моя дипломная работа – где-то в личном архиве. Один экземпляр был сдан на хранение на кафедру новой истории в МГУ и вряд ли сохранился. Один экземпляр я передал Степановой по ее просьбе весной 1950 года. – Примечание автора.

верситета наукой заниматься не удалось. В аппарате Калининского управления культуры был чиновником, хотя и соприкасался с творческой работой. На посту директора музея все силы и время отдавал организации науки, сам же заняться исследованиями возможности не имел, если не считать кое-какие исследования памятников культуры, начатые еще до музея. Вероятно, не хватило волевых качеств. Только в пенсионные годы стал исследовать некоторые вопросы истории тверской (калининской) культуры, народного творчества. Но все это мелочи под занавес.

Е.А. Степанова, суховатая по природе, относилась ко всем своим слушателям и дипломникам ровно, никого не выделяя, хотя, честно говоря, в большинстве они были типичными середнячками. По отношению ко мне никаких эмоций не проявляла, что было мне непривычно; я был избран профессорским вниманием, ходил в любимчиках у всех преподавателей, с которыми имел дело, начиная с руководителей семинаров академика Ю.В. Готье (по «Русской Правде»), профессора А.И. Неусыхина, латинистки С.Н. Нюберг в ИФЛИ и кончая руководителями семинаров и преподавателями иностранных языков в МГУ. Но поразмыслив, я понял, что Е.А. Степанова поступает правильно и справедливо. Выделять одного из 3-х дипломников означало внести раскол и вызвать зависть между ними. К тому же я почти обходился без консультаций у Евгении Акимовны, самостоятельно ориентировался в материалах. Е.А., видимо, понимая мою личную бесперспективность, и не ставила, так сказать, на меня.

Много сил затратил я на написание текста, как обычно израсходовав гору бумаги на черновики. Писать сразу набело я никогда не умел, даже позднее – служебные бумаги. Личные письма – и те носят следы исправлений.

Студенческий состав факультета и особенно нашего курса был весьма пёстрым. С приходом фронтовиков курс разросся вдвое и насчитывал 250 студентов. На курсе и факультете было немало выдающихся студентов, как по способностям, так и подготовке. Первым я назвал бы А. Кана, который специализировался на кафедре истории средних веков (в одной группе с моей будущей женой). Сын профессора, известного специалиста по новой истории, он с детства владел тремя основными европейскими языками – немецким, французским, английским, причем говорил и писал на них. Отец воспитывал его в строгости, денег не давал, и Шура со школьных лет зарабатывал частными уроками. В студенческие годы он изучил еще несколько иностранных языков и к окончанию университета владел не менее чем десятью. Он хорошо знал научную литературу, был самостоятельным исследователем широкого диапазона. Шура отличался организованностью, ценил время. Бывало толпа студентов собирается на факультетской лестнице или в вестибюле читального зала университетской фундаментальной библиотеки на ул. Моховой, курят, спорят о чем-нибудь... Выйдет из аудитории или читального зала Шура Кан, подойдет, вежливо осведомится о предмете дискуссии, но не ввяжется, посмотрит на часы, скажет – «извините, у меня нет времени» и возвратится в читалку или уйдет куда-то озабоченный.

В этом плане похож был на него Григорий Котовский – сын знаменитого героя Гражданской войны. Он тоже с детства владел немецким, французским и английским языками, в МГУ специализировался по Индии, изучил хинди, другие языки Индии. Григорий провел два года в немецком плену в лагере в Норвегии. В противоположность своему отцу, который прославился своими приключениями, твердостью и жесткостью, Гриша был исключительно деликатным и мягким, женился на девушке-инвалиде.

Учились на курсе и другие способные, трудолюбивые студенты разных национальностей: русские, украинцы, белорусы, грузины, армяне, евреи, испанцы, вывезенные в СССР в годы гражданской войны в Испании; в 1946–начале 1947 г. были и сербы. На факультете и курсе были заметны дети зарубежных коммунистов, воспитывавшиеся в СССР. Они носили другие фамилии, например, курсом младше учился Тим Райен, сын генсека Компартии США Юджина Денниса. Он так и остался в СССР, стал академиком (членом-корреспондентом) Тимуром Тимофеевичем Тимофеевым и многие годы является директором одного из институтов Академии наук. Луиза Брандон была дочерью лидера подпольной компартии Бразилии и т.д.

Главной «достопримечательностью» курса была Светлана Сталина (в ту пору она носила отцовскую фамилию). Поступила она на истфак МГУ в 1943 году, но, выйдя первый раз замуж¹⁰ и родив сына, брала академический отпуск на год и после него возвратилась в 1946 г. на наш 3-й курс на кафедру новой истории. Специализировалась по США у профессора Л.И. Зубока. Со Светланой я проучился в одной группе 3 года, был ее «начальником» как староста кафедры. Это была скромная тихая молодая женщина с очень красивыми темно-рыжими волосами. Она старалась не привлекать к себе внимания, не примыкала ни к каким студенческим компаниям, дружила лишь с одной девушкой Леной (Лениной) Мельник. Со школьных лет владела двумя иностранными языками – английским и немецким. На семинарах по политэкономии и философии была так же не активна, как и другие девушки, никогда по своей воле не брала слова. Присутствовала, но не выступала на комсомольских и других собраниях. Лишь однажды на собрании, посвященном подписке на очередной заём, она выступила с заявлением, что подписывается на 2 месячные стипендии, и тут же внесла всю сумму. Призыв последовать ее примеру подействовал на нищих студентов угнетающе.

На нашей кафедре стали обычаем студенческие вечеринки по праздникам. Они проходили на квартире у кого-нибудь из студентов-москвичей, чаще всего у Лены Мельник. Светлана в этих вечеринках участия не принимала. Но на Новый 1947 год она прислала нам ящик прекрасного грузинского вина и огромную корзину конфет, каких мы ни до, ни после этого и не видывали. Доставил дар на легковой автомашине офицер госбезопасности. Лишь однажды Светлана пошла гулять с нами вечером какого-то праздника, видимо – 1 мая, так как все мы были в летней одежде. С улицы Герцена мы прошли к Александровскому саду, который тянется вдоль Кремлевской стены от Манежной площади. Мы не пошли к воротам (или

¹⁰ Первый муж С. Аллилуевой В.Я. Каплер.

они были закрыты – не помню), а полезли через ограду. Полезла с нами и Светлана, не обращая внимания на свистки милиционеров. Наше невинное хулиганство последствий не имело.

Во внеучебной обстановке мы чаще всего встречались в Большом зале Консерватории, который студенты МГУ регулярно посещали, благо он расположен на ул. Герцена неподалеку от старого Университета. Один раз она даже достала мне билет на вызвавшее большой ажиотаж исполнение «Реквиема» Берлиоза увеличенным симфоническим оркестром под управлением Евгения Мравинского. Светлана была на концерте вместе с известной балериной Ольгой Лепешинской – возможно, что к этому времени ее первый муж уже был арестован и выслан из Москвы. До того она ходила на концерты с мужем.

Светлана предприняла вдруг еще одну попытку сближения со студентами кафедры: пригласила нас всех – 40 человек – на свой день рождения, сказавши, что никого посторонних не будет, «только папа и Климент Ефремович (Ворошилов)». Мы проявили выдержку и посоветовались в факультетском партбюро. Там нам единодушно рекомендовали не следовать приглашению и для близира назначить на это время какое-нибудь мероприятие, что мы и сделали. Пошла на день рождения только Лена Мельник. Позднее она рассказала мне по секрету, что это был мрачный вечер. Народу за столом было немного, за спиной каждого стоял охранник в форме, никто не веселился.

Сохранилась в памяти еще одна неофициальная сценка: на 4 курсе я как-то опоздал на лекцию, которая почему-то проходила в Зоологической аудитории на биолого-почвенном факультете тоже на ул. Герцена, напротив здания истфака. В предбаннике перед аудиторией – Светлана Сталина, Лена Мельник и я. В течение всего академического часа они подтрунивали надо мною по поводу моего ухода за моей будущей женой Наташей Кононовой, которое уже не было секретом для всего курса. Я не оставался в долгу, подкалывал их, и мы весело пересмеивались втроем.

Училась Светлана Сталина хорошо, как большинство студентов, я сказал бы – на средние пятёрки. Часто пропускала занятия из-за малыша; к ней, естественно, никто не придирался. Случались и учебные приключения. На экзамене по теории и истории права мы со Светланой оказались последними экзаменующимися, хотя я обычно ходил первым. Принимал экзамен профессор Галанза, хороший специалист, но пьяница. Пьян был он и на сей раз; его даже силой доставили на экзамен с большим опозданием. Профессор был либералом, разрешал на экзамене пользоваться литературой и ставил всем без исключения пятёрки. Светлане попался трудный билет, и я по ее просьбе написал подробную шпаргалку; по ней она бойко и правильно ответила. Профессор вдруг решил, что не всем же ставить пятёрки, и записал Светлане в раскрытую зачетку «четыре»; только после этого он спросил ее фамилию, чтобы проставить оценку в ведомости. Услышав «Сталина», он до того перепугался и скупился, что было жалко на него смотреть. Исправлять в зачетке он не посмел и вынужден был оставить четверку. Светлана восприняла отметку равнодушно, а профессор страдал. Мне он поставил «5», почти не спрашивая, и вышел из аудитории

глубоко несчастным. Рассказывали, что в тот вечер он напился до потери сознания. Так страшна была тогда фамилия «любимого вождя».

Неловко было присутствовать на защите Светланой Сталиной ее дипломной работы. В связи с изгнанием из МГУ профессора Л.И. Зубока Светлана осталась без научного руководителя и несколько растерялась, «поплавала» в море источников (что-то по новейшей истории США). По словам ребят, её «соучастников» по семинару у Зубока, она написала добротную, но вполне среднюю работу. Однако защита ее проходила, говоря нынешним термином, как презентация нового «гениального» труда ее папаши. Один за другим вставали профессора и доценты нашей кафедры и выспренними выражениями восхваляли ее скромную работу, которую большинство и не читало. Студенты, хорошо относившиеся к Светлане, но знавшие ей истинную цену (в академическом плане), сидели с каменными лицами. Было стыдно за наших профессоров, продемонстрировавших лакейскую угодливость. Светлана лично ни в чем не виновна. Такова была сталинская эпоха всеобщего страха, эпоха действительных грандиозных достижений советского народа, массовых кровавых репрессий, расцвета народного образования, культуры и искусства и тяжелой идеологической реакции.

После окончания Университета я видел Светлану только один раз. Приехав как-то из Калинина в Москву в командировку, пошел на концерт в Большой зал и встретил там Светлану в сопровождении пожилой грузинки. Мы поздоровались, спросили друг друга – «как живёшь?», оба ответили – «нормально» и на том расстались. Была ли эта встреча еще при жизни ее отца или позднее – не помню. Потом от наших однокурсников до меня доходили разные слухи о Светлане. Ее отъезд за границу некоторые однокурсники осудили. Ознакомившись с ее «20 письмами к другу», которые ходили в списках, мы поняли, как тяжела и полна страданий ее жизнь, и пожалели свою бывшую однокашницу.

<...>

Защита дипломных работ, государственные экзамены, распределение на работу совпали с пиком борьбы с «космополитизмом». На душе было погано. Моя жена Наташа – чистокровная русская, из тверской интеллигентной семьи – переживала вместе со мною это злосчастное время, мужественно выдержала трудные испытания, которые предъявила нам жизнь. Она ждала ребенка, но написала отличную дипломную работу «Английская республика и французский абсолютизм 1646–1653 гг.», с блеском защитила ее и была рекомендована в аспирантуру. Научный руководитель ее – видный ученый Б.Ф. Поршнев – высоко оценивал ее научно-исследовательский потенциал.

Удачно прошла моя защита. Обнаружила вдруг эмоции Е.А. Степанова, дала высокую оценку моей работе и мне лично, особенно выделила качество моих переводов с немецкого, поставив их выше переводов профессионалов из ИМЭЛСа. Кроме официального оппонента выступила профессор Р.А. Авербух, которая бегло прочитала мое творение (оно по правилам было выставлено для ознакомления на несколько дней в кабинете нашей кафедры). И уж совсем необычным и неожиданным было присутствие на моей защите А.И. Неусыхина – профессора другой кафедры. Ра-

зумеется, и он лишь поверхностно ознакомился с моей работой, тем не менее выступил и дал мне развернутую хвалебную характеристику, начав с ифлийского семинара.

Читатель может упрекнуть меня за двойной подход к хвалебным выступлениям профессоров на защите дипломной работы Светланы Сталиной и моей собственной. Но все-таки не одинаковая смелость нужна для высокой оценки дипломных работ дочери всесильного диктатора и простого студента, находящегося под прессом дискриминации, к тому же в самый разгар борьбы против «космополитов», к которым относили инородцев вроде меня. Причем Неусыхина самого совсем недавно обвиняли в преклонении перед Западом; доставалось и Р.А. Авербух. Я храню в своем сердце благодарность этим мужественным людям, пытавшимся, несмотря на опасность, открыть мне дорогу в науку. Ученый совет кафедры единогласно рекомендовал меня в аспирантуру...

Увы, эти рекомендации не имели практического значения. Путь в науку контролировали не ученые, а совсем другие люди. Гос. комиссия по распределению на работу заседала после защиты дипломов, когда уже выяснилась способность каждого выпускника к научно-исследовательской деятельности. Ведь в Московский университет поступали и тогда, и ныне молодые люди, стремящиеся к науке. Но распределяли выпускников нашего курса на истфаке (да и на других факультетах) не по способностям, не по труду, даже не по общественной активности, которая в ту пору вроде бы считалась важной составной при оценке личности, а лишь по одному признаку – по национальности. Ни один выпускник-еврей, даже такой выдающийся, как А. Кан, к тому же фронтовик-орденоносец и сын профессора-историка, не получил направления в аспирантуру. В аспирантуру были пропущены наряду с сильными, как Слезкин, и откровенные троечники. Например, две дипломницы Степановой, представившие серые дипломные работы, без помех были приняты в аспирантуру. Одна из них сдала вступительные экзамены лишь на «3», другой поставили оценки «5», на которые она никогда не тянула.

А что же отринутые самые способные? – Некоторые потом пытались поступить в аспирантуру АН СССР или Пединститута им. Ленина, например наш друг Роберт Евзеров, сдавали экзамены на «5» и отталкивались в сторону. Евзеров начал с учительства в средней школе, долгие годы пробыл в науку, во время хрущевской оттепели стал кандидатом исторических наук, доцентом политэкономии в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта, отсюда был взят нашим однокашником Т. Тимофеевым (Тимом Райеном) в Институт международного рабочего движения, стал доктором исторических наук, заведовал сектором.

А. Кан несколько лет работал в провинциальных ВУЗах, в т.ч. в Великих Луках [в тексте ошибка – назван Псков], где подружился с будущим профессором Калининского университета М. Фрейденбергом, приезжал потом к нему в Калинин, заходил к нам с Наташей домой, заходил в музей и удивлялся, почему я сам не занимаюсь наукой. Даже ему было непонятно, как придавила нас жизнь. А. Кан стал крупным ученым, доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником Института истории АН

СССР, владеет по меньшей мере 15-ю иностранными языками, читал лекции во многих странах Европы на местных языках. Но в начале 80-х годов не был аттестован в Институте истории за то, что публично поддержал исследователя, который раскопал в архивах СССР, Финляндии и других стран документы, свидетельствующие о том, что в 1939 г. не Финляндия напала на СССР, а, наоборот, СССР напал на Финляндию. За это Кана притесняли, он стал невыездым и т.п. Вследствие давления и дискриминации А. Кан вынужденно эмигрировал; теперь он – профессор университета в гор. Упсала (Швеция). Там его еще до эмиграции избрали почетным доктором. Россия потеряла выдающегося ученого. Кан, Адлер, Биск, Евзеров, известные теоретики и практики музейного дела Букшпан, Курлат и другие затратили многие годы и усилия на преодоление искусственных препятствий на пути в науку.

На курсе оказались кроме меня еще двое бывших военнопленных. Для нас троих это стало дополнительным грехом при распределении.

<...>

Все лето ушло на переписку с разными институтами, но, даже получив приглашение оттуда, мы не могли добиться назначения в Министерстве просвещения. Я прорвался на прием к заместителю министра, который твердо, хотя и вежливо, отказал мне, сказав, что пребывание в плену не украшает мою биографию. Министерство просвещения переадресовало нас по принадлежности в Союзное Министерство высшего образования, но и там нам не предложили ничего путного.

Тем временем жене пришла пора рожать, и мы поехали на ее родину – в гор. Калинин-Тверь, не определившись на работу».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Воробьева И.Г. Наталья Федоровна Ольденбург – хранитель традиций Приютинского братства // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 307-321.
Музею – 125 лет (1866–1991): Материалы юбил. конф. Тверь: Б.и., 1992. 75 с.
Обречённые погибнуть / Сост. П. Полян, А. Шнеер. М.: "Новое издательство", 2006. 576 с.

REFERENCES

- Vorob'eva I.G. Natal'ya Fedorovna Ol'denburg – khranitel' traditsii Priyutin-skogo bratstva // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 50. S. 307-321.
Muzeju – 125 let (1866–1991): Materialy yubil. konf. Tver': B.i., 1992. 75 s.
Obrechennyye pogibnut' / Sost. P. Polyan, A. Shneer. M.: "Novoe izdatel'stvo", 2006. 576 s.

Воробьева Ирина Геннадиевна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Тверского государственного университета; dubrovnik@mail.ru

I.M. Bruzhestavitsky and his “Memoirs of a former director”

This is a chapter from an unpublished memoirs of Israel Moiseyevich Bruzhestavitsky (1922–2006), a war veteran historian and the director of the Tver Museum. The chapter describes the author's period of study at the history faculty of the Moscow State University in 1945-49, gives characteristics to professors and pictures the student life in the context of contemporary political events.

Keywords: history faculty, MSU, I.M. Bruzhestavitsky, “anti-cosmopolitan campaign”, A.I. Neusykhin, P.A. Averbuch, E.A. Stepanova, Svetlana Stalina.

Irina Vorobieva, Dr.Sc. (History), Professor, Department of World History, Tver State University, dubrovnik@mail.ru